

Санта-Клаус...

О, как горчит имя твое у меня на языке, едкое, точно кислота: не отплевавшись, не выговоришь. И все же я постоянно твержу его. Оно стало моим личным ругательством, мантрой сквернословия.

Санта-Клаус... Санта-Клаус... Санта-Клаус.

Это имя, как и ты сам, как это твое Рождество со всеми его извращениями — ложь. Но как же, ты всегда жил в доме из лжи, а теперь этот дом стал замком, твердыней. Так много лжи, что ты и сам позабыл, что такое правда, кто ты есть такой... Забыл свое истинное имя.

Я не забыл.

Я всегда буду здесь, всегда буду служить тебе напоминанием, что ты — не Санта-Клаус, и не Крис Крингле, не Фазер Крисмас, Дед Мороз или Синтерклаас, и уж точно не Святой Николай. Санта-Клаус — всего лишь еще одна твоя личина, еще один кирпичик в твоей твердыне.

Твое истинное имя я произносить не буду. Нет, только не здесь и не сейчас, когда я гнию в этой черной дыре. Звук твоего имени, отражающийся от стен моего узилища, это...

Этот звук способен свергнуть кого угодно в истинное безумие. Этому имени придется подождать до того дня, когда я вновь увижу, как волки гонят по небу Мани и Соль*. До того дня, который близится, поверь — может быть, еще недели две, — и твои чары будут, наконец, разрушены, замкнутые тобой цепи падут и ветер свободы принесет меня к тебе.

Я не стал поедать свою собственную плоть, вопреки твоему любезному предложению. И безумие не забрало меня к себе даже после того, как я присидел в этой могиле половину тысячелетия. Я не сгинул, не послужил пищей червям, несмотря на твои предсказания. Уж ты-то мог бы знать, что я никогда этого не допущу, пока я помню еще твое имя, пока возмездие скрашивает мое одиночество.

Санта-Клаус, дорогой мой старый друг, ты — вор, предатель, доносчик и лжец, но что самое худшее, ты — злая насмешка надо всем, что было когда-то мной.

Спето твое последнее «хо-хо-хо», я иду. За Одина, за Локи, за всех падших богов, за твое вероломство, за то, что держал меня в цепях здесь, в этой дыре, пятьсот долгих лет. Но, что важнее всего, я иду, чтобы забрать то, что мое по праву. Вернуть себе Йоль, мои святки. Лишь наступив тебе на горло, я назову твое имя — твое истинное имя — и, когда смерть заглянет тебе в глаза, тебе уже не спрятаться от своих черных дел, от тех, кого ты предал.

Я, Крампус, Повелитель Йоля, сын Хель, кровь от крови великого Локи, клянусь вырезать твой лживый язык из лживой твоей глотки, отрубить твои загибающиеся руки и веселую твою головушку.

* В скандинавской мифологии брат и сестра, персонификация луны (Мани) и солнца (Соль).

Часть первая

ДЖЕСС

Глава первая

ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ САНТЫ

ОКРУГ БУН, ЗАПАДНАЯ ВИРДЖИНИЯ

Рождество, 2 часа пополуночи

Джесс Бервелл Уокер молился, чтобы его пикап продержался, по крайней мере, еще одну зиму, не развалившись на две ржавые половины. Пикап этот, серый когда-то «Форд Ф-150» 1978 года, достался ему в наследство от отца, когда старик проиграл, наконец, свою долгую битву с «черными легкими»*. Теперь на стеллаже для ружей лежала гитара, а заднее окно кузова украшал стикер: «А ЧТО БЫ СДЕЛАЛ ХЭНК».

Под колесами захрустел присыпанный снегом гравий: Джесс свернул с Третьего шоссе на дорожку трейлерного поселка Кингз-Касл. Около месяца назад Джессу стукнуло двадцать шесть, и был он высоким, худощавым, с темными волосами и бачками, которые явно пора было подровнять. Постукивая своими длинными пальцами — то что надо, для гитариста — по зажатой между коленками бутылке «Wild Turkey», он медленно катился между трейлерами, припоро-

* «Черные легкие» (также «болезнь шахтеров»; мед. антропокоз) — вид пневмоконоиоза — необратимого и неизлечимого заболевания легких, вызванного длительным вдыханием промышленной (в данном случае каменноугольной) пыли.

шенными снегом, мимо выдавших виды пластиковых Сант и снеговиков, мимо пенопластового оленя Неда Бернетта, заодно служившего хозяину мишенью. Олень висел вниз головой на качелях Недова парнишки, будто ожидая, чтобы его освеживали, а к его носу Нед прикрутил красную лампочку. Джессу это казалось забавным — первые раза два, — но бедняга Рудольф* висел так со Дня Благодарения**, и шутка успела несколько обрасти бородой. Кое-где в окнах торчали жалкие пластиковые елочки, подсвечивая огоньками жалкие комнатухи, но в общем и целом в трейлерах Кингз-Касла царил темнота — их обитатели либо нашли себе местечко повеселее, либо вовсе решили не напрягаться. Джессу не хуже других было известно, что для округа Бун настали нелегкие времена, и праздновать многим было особо нечего.

Пикап перевалил через пригорок, и впереди показался двойной трейлер старушки Милли Боггз, обнесенный белым штакетником и пластиковыми цветами в горшках. Милли была владелицей Кингз-Касла, и, смотрите-ка, она опять выставила свой пластиковый вертеп между подъездной дорожкой и помойкой. Иосиф упал, внутри у Марии не горела лампочка, но малютка Иисус сиял изнутри во все двести вольт (по догадке Джесса), имея при этом довольно радиоактивный вид. Миновав вертеп, Джесс съехал вниз, под уклон, и затормозил возле маленького фургончика, стоявшего среди сосен.

Когда Милли отдавала ему ключи от трейлера, то назвала хибару «временной мерой», потому что, как она выразилась, «никто не должен жить подолгу в такой теснотище». Джесс заверил ее, что это всего на пару недель, пока они с Линдой — его женой — не разберутся между собой.

* Рудольф — популярный в США рождественский персонаж, олененок со смешным красным носом.

** Государственный праздник в США, отмечаемый в четвертый четверг ноября. С этого дня начинается праздничный сезон, длящийся по Новый год включительно.

Это было уже почти два года назад.

Заглушив мотор, Джесс поглядел на трейлер.

— Ну, с Рождеством, — открутив у бутылки крышку, он как следует хлебнул виски, утер рот рукавом куртки и сделал приветственный жест бутылкой в сторону трейлера. — А вот мне, например, все по хрен.

Вдоль крыши тянулась одна-разъединственная гирлянда. Джесс, как и всегда, не потрудился снять гирлянду после очередного Рождества, и все, что нужно было теперь сделать, дабы приобщиться к праздничному духу — это воткнуть вилку в розетку. Вот только все лампочки давно перегорели, за исключением одинокого красного огонька прямо над дверью. Лампочка то загоралась, то гасла опять, подмигивая, зазывая его в дом. Джессу в дом не хотелось. Ему не хотелось опять сидеть на жеваном, старом в поло-сочку, матрасе и пялиться в обшитую дешевыми деревянными панелями стенку. Было у него такое свойство: видеть среди сучков и разводов на дереве лица — печальные лица, истерзанные страданием лица. Там, в доме, он не мог притворяться, не мог прятаться от того факта, что вот еще одно Рождество, которое он проводит в полном одиночестве. А человек, который проводит Рождество в одиночестве, в этом мире один, как перст, это каждому ясно.

Твоя жена-то, ясен хрен, не одна. Верно?

— Прекрати.

И где же она, Джесс? Где Линда?

— Прекрати.

Она у него дома. Хороший, красивый дом. С хорошей, красивой, большой елкой. Уж наверняка под елкой полно подарков, на которых — ее имя. И подарков с именем малышки Эбигейл, наверное, тоже немало.

— Прекрати, — прошептал он. — Пожалуйста, давай просто оставим это.

А лампочка все продолжала издевательски подмигивать, швыряя ему в лицо его собственные мысли.

«Мне не обязательно туда идти, — подумал он. — Можно и в кузове поспать. В первый раз, что ли?» У него в кузове даже лежала скатка с одеялом — в основном для тех случаев, когда Джессу приходилось играть не в городе. Увы, в кабаках недотыкомке-гитаристу редко платили столько, чтобы хватило и на мотель, и на бензин до дома. Он глянул в окно, на снег.

— Черт, слишком холодно.

Джесс посмотрел на часы; время было раннее, по крайней мере, для него. Обычно, играя в «Рустере», он добирался до дома не раньше четырех утра. Он попросту не успел еще устать — или набухаться — настолько, чтобы заснуть. Джесс знал: пойдя он сейчас домой, и будет пялиться и пялиться часами на лица среди древесных разводов.

Сид закрыл «Рустер» раньше обычного — не из-за Рождества, нет: сочельник для Сида был довольно хлебным времечком. Их много таких — потерянных душ вроде Джесса, тех, кому неохота возвращаться в пустые гостиные и спальни — только не на Рождество.

«Как бы мне хотелось пристрелить того сукиного сына, который придумал этот чертов праздник, — подумал Джесс. — Может, это счастливое время, если кому повезло семью иметь и родных, но для нас, для всех остальных неудачников, это просто еще одно напоминание о том, сколько дерьма способна скормить тебе жизнь».

В этот раз в «Рустер» притащилось всего шесть или семь доходяг, и большинство из них — исключительно ради бесплатной рождественской выпивки, которой скупое оделяя своих клиентов Сид. Джесс отставил комбик в сторону, решив обойтись исключительно акустикой, и играл подряд всю старую добрую рождественскую классику, но всем было плевать — кажется, никто даже не слушал. Только не сегодня. Похоже, Дух Прошлогодней Елки прочно обосновался в баре, и все пялились себе в стаканы с отсутствующим видом, будто желая оказаться где-нибудь в другом месте — или

в другое время. И поскольку никто ничего не покупал, Сид прикрыл лавочку что-то около часа ночи.

Джессу Сид сказал, что сегодняшней вечер обернулся полным финансовым провалом, и спросил, не возьмет ли Джесс уже открытую бутылку сауэр мэша* вместо своей обычной двадцатки. Джесс вообще-то рассчитывал на эти деньги, думая купить дочке — Эбигейл было пять лет — подарок на Рождество. Но бухло он взял. Сказал себе, что это ради Сиды, чертовски хорошо зная, что это не так.

Джесс бросил на бутылку мрачный взгляд.

— Всего одну вещь она у тебя попросила. Куклу. Одну из этих «Тин Тайгер», которые везде продаются. Не слишком сложная просьба. Нет сэр... Не слишком.

В голове у него зазвучал голос жены: «И почему тебе обязательно надо всегда все портить?» Ответа у него не было.

«Почему я всегда все порчу? Впрочем, еще не поздно. Я могу зайти в ломбард к Дикеру в понедельник».

Вот только он знал — у него не осталось ни хрена, закладывая больше нечего. Он уже продал телик и колонки, хорошие шины, и даже кольцо, которое оставил ему отец. Джесс потер поросший щетиной подбородок. Что же у него осталось? Он снял с оружейного стеллажа гитару, положил на колени. «Нет, я просто не смогу. — Он взял аккорд. — А почему бы и нет?» Чертова штука не принесла ему ничего, кроме горя. И потом, это была единственная ценная вещь, которая у него осталась. Он покосился на руку, на обручальное кольцо. Ну, почти. Джесс положил гитару на пол, поднял руку, и кольцо вспыхнуло золотом в свете уличных фонарей. И почему он до сих пор от него

* Вид виски, при производстве которого используется т.н. «метод закваски» — около четверти кубового остатка добавляют в новое сусло, которое еще не прошло брожения. За счет этого вкус и аромат напитка остается постоянным и неизменным. Этим методом изготавливается большинство марок виски США.

не избавился? Богу известно, Линда свое больше не носила. И все же он просто не мог собраться с духом и продать кольцо. Будто оно могло каким-то образом вернуть их друг другу.

Джесс нахмурился.

— Я что-нибудь придумаю. Что-нибудь, — вот только он знал: ничего он не придумает. — Эбигейл, кроха, — сказал он. — Прости.

Его слова гулко и пусто разнеслись по кабине пикапа. Он что, скажет ей это опять? Сколько раз можно повторять эти слова маленькой девочке, прежде чем они перестанут что-либо значить?

Он сделал еще глоток, но спиртное вдруг стало отдавать горечью. Завинтив крышку, Джесс уронил бутылку на пол. Лампочка загоралась и гасла, загоралась и гасла. «Не могу я туда идти. Не могу провести еще одну ночь в этой дыре, думая о Линде и о том, что она сейчас с ним. Думая об Эбигейл, о моей собственной дочери, в доме у другого мужчины. О подарке, который я ей не купил... Не смог купить».

— Меня задолбало все время чувствовать себя виноватым, — слова упали в тишину окончательно, бесповоротно.

Джесс рывком открыл крышку бардачка и принялся шарить среди аудиокассет, купонов на скидку и мятых документов на машину, пока его пальцы не наткнулись на холодную, твердую сталь короткоствольного пистолета тридцать восьмого калибра. Он взял пистолет в руки, посмотрел, как на темном металле пульсируют красные отсветы. Тяжесть оружия в руках успокаивала, вселяла уверенность — в конце концов, это была единственная вещь, на которую он мог положиться. Джесс проверил барабан, убедился, что в каждом гнезде сидит по пуле, а потом, не торопясь, вставил ствол между зубов, так, чтобы дуло было направлено вверх, в небо. Его тетушка Пэтси пыталась

вышибить себе мозги в девяносто втором, вот только она сунула ствол прямо в рот и, спустив курок, просто-напросто снесла себе заднюю сторону шеи. Раскучорила позвоночник у самого основания черепа, и последние три месяца жизни провела в больнице, бессмысленно пуская слюни. Джесс не намеревался давать жене еще один повод назвать его неудачником.

Он взвел курок. Чертова лампочка все мигала — горит, не горит, горит, не горит, будто обвиняла его в чем-то — да во всем. Джесс положил палец на спусковой крючок. Горит, не горит, горит, не горит, все настойчивей, все ближе. У него задрожала рука.

— Давай! — прорычал он в дуло. — Сделай это!

Он зажмурился; по щекам катились слезы. Ему вдруг ясно представилось лицо дочери и ее голос — так отчетливо, будто Эбигейл сидела в машине, рядом с ним: «Пап? Ты когда приедешь домой, пап?»

Из горла у него вырвался отвратительный, утробный, исполненный боли звук — не то рыдание, не то смешок. Вынув пистолет изо рта, Джесс аккуратно поставил предохранитель на место и уронил «пушку» на пассажирское сиденье. На глаза ему попала бутылка, и с минуту он злобно играл с ней в гляделки, а потом, опустив стекло, размахнулся и запустил бутылкой в ближайшую сосну. Он промахнулся, и бутылка покатила, подпрыгивая, в неглубоком снегу. Окно закрывать не стал — хорошо было чувствовать на лице морозный воздух. Уронив голову на руль, Джесс закрыл глаза и заплакал.

— Я так больше не могу.

Раздался легкий звон, потом будто кто-то всхрипнул. Джесс выпрямился, сморгнул. Он что, заснул? Потерев лоб, он огляделся. В конце переулка, в тупике, стояли олени.

Восемь штук, прямо перед воротами Такеров. Олени были запряжены в сани, и даже в слабом, мерцающем свете гирлянд было видно, что это настоящие сани, а не рождественская фальшивка. Высотой они были почти со взрослого мужчину, и дощатые борта блестели темным, густо-алым лаком. По красному полю висала тонкая золотая роспись. Вся конструкция покоилась на двух основательных полозьях с изящно изогнутыми передними концами. Джесс никак не мог проморгаться. «Мне это не кажется, я даже не пьян. Вот дерьмо, у меня ж даже в голове не шумит». Один из оленей топнул копытом в снег и фыркнул, выпустив в морозный воздух облачко пара.

Джесс взглянул назад, на дорогу. На нетронutom снегу темнели следы колес его пикапа — и больше ничего. «Черт, откуда же они взялись?»

Тут все олени, как один, подняли головы и посмотрели вверх — туда, где дорога исчезала за гребнем холма. Джесс проследил за их взглядом, но не увидел ничего. А потом он услышал тяжелый топот — будто кто-то бежал в тяжелых ботинках, и очень быстро.

«Ну что там еще?»

Мужик с белой бородой, в сапогах до колен, в алом костюме Санта-Клауса, отороченном белым мехом, с огромным красным мешком, бежал вниз по дороге, так, что гравий хрустел под сапогами — неся, как на пожар, будто кто-то за ним гнался.

За ним и вправду кто-то гнался.

Четыре фигуры возникли на гребне холма, прямо рядом со светящимся вертепом Милли. Какие-то черные люди, все в потрепанных темных толстовках с капюшонами, у всех — палки или дубинки. Притормозив, они заозирались, и тут один из них заметил мужика в костюме Санты. Взыв, он ткнул дубинкой в направлении бегущей фигуры с развевающейся белой бородой, и вся компания бросилась вдогонку.

— Какого черта!

Мужик в костюме Санты пронесся мимо Джесса, явно стремясь к саням. Он пыхтел на бегу, дико выпучив глаза; похожие на яблочки щеки покраснели от усилий, на лице — яростная гримаса. Фигура у него была полная, даже скорее массивная — не тот пухлый Санта, к которому все привыкли, нет, — у этого были широкие плечи и грудь, похожая на бочку.

Тем временем свора преследователей скатилась вниз по склону, размахивая своими дубинками, и тут до Джесса вдруг дошло, что на них были вовсе не толстовки, а плащи — настоящие плащи из меха, кожи и перьев, которые плескали и хлопали на ветру у них за плечами. Они неслись длинными, какими-то звериными прыжками, быстро сокращая разрыв. Блеснула сталь, и Джесс заметил гвозди, торчавшие из дубинок, и острые-острые лезвия, которыми заканчивались палки. По спине у него пробежали мурашки: глаза у всех преследователей светились тусклым оранжевым светом, кожа отблескивала иссиня-черным и была покрыта какими-то пятнами, а из голов торчали *роза* — как у чертей.

— Какого х...

Еще двое вынырнули откуда-то из-за трейлера Такеров и бросились наперерез «Санте». Эти были в джинсах, сапогах и черных куртках с капюшонами. «Санта» даже не притормозил; пригнув голову, он врезался плечом в первого нападающего, так, что тот наткнулся на второго, и оба, не удержавшись на ногах, покатались по земле.

Грохнул выстрел. Один из преследователей выхватил пистолет и выпалил в «Санту». Потом он — оно — выстрелило еще раз. От саней полетели щепки.

— Прочь! — заорал «Санта». — Прочь!

Над бортиком переднего сиденья показалась голова — вроде как мальчишечья, только с длинными, заостренными ушами. Увидев, что происходит у «Санты» за спиной,

он выпучил глаза. Живо подхватил поводья, тряхнул. Олени прынули вперед, и сани — сани вдруг поднялись над землей.

— Какого... черта... здесь... творится?

Мужик в костюме Санты забросил мешок на заднее сиденье и заскочил следом сам. Джесса поразило, как ловко, как легко двигался этот явно немолодой уже, полный человек. Сани продолжали подниматься — они набрали уже добрых пятнадцать футов над землей. Джесс подумал было, что «Санте» удастся сбежать, когда один из «чертей» — тот что был впереди — прыгнул. Прыгнул на невозможную, как показалось Джессу, высоту и ухватился за полоз. Его вес рывком потянул сани вниз, чуть их не опрокинув. Оставшиеся пятеро «чертей» прыгнули вслед за первым; четверо приземлились уже в санях, а пятый вскочил на спину переднему оленю. Животные, неистово вращая глазами и раздраженно фыркая, загребали копытами воздух, и весь цирк, двигаясь по спирали, принялся набирать высоту.

Еще три выстрела. Джесс был совершенно уверен, что «Санте» конец, но, если в того и попали, он явно об этом не знал. Он отвесил одному из своих противников роскошный пинок, прямо в грудь, так, что тот упал на товарища и оба чуть не полетели с саней вниз. Пистолет вылетел у твари из рук и упал в снег. Другой «черт» ухватил мешок и сделал попытку спрыгнуть с саней. Человек с белой бородой испустил неистовый вопль, бросился на него и принялся избивать так, будто сорвался с цепи. Мощным ударом кулака он разнес «черту» нос. Хруст сломавшейся кости был отчетливо слышен даже в пикапе, далеко внизу. Черный человек обмяк, и «Санта» вырвал у него мешок — как раз в тот момент, как остальные всем скопом бросились на него.

Сани рванули вверх, по спирали, все быстрее и быстрее, и Джессу уже не было видно, что там происходит, слышны

были только крики и вой, а сани, вращаясь все быстрее, уходили вверх. Он вышел из пикапа и, задрав голову, проводил взглядом уменьшающийся силуэт. Надвинулись тучи; опять шел снег. Очень скоро сани исчезли в ночном небе.

Тишина.

Джесс выдохнул.

— Твою мать, — он выковырял пачку сигарет из нагрудного кармана своей джинсовой куртки. Как раз тогда, как он нашел зажигалку, Джесс услышал какой-то звук и снова задрал голову. Кто-то кричал. Крик становился все громче, и вот в небе показалась какая-то черная крапинка, которая, кувыряясь, летела к земле.

«Черт» рухнул аккурат на лобовое стекло «камаро», принадлежавшего парнишке Такеров, смяв капот и зажав, по всей видимости, клаксон — непрерывный истошный гудок далеко разносился по заснеженной улице.

Джесс едва успел сделать шаг по направлению к машине, как что-то, ломая нависшие ветки деревьев, рухнуло прямо на его трейлер, пробив крышу. Он обернулся как раз в тот момент, когда заднее окошко осыпалось осколками, а рождественская гирлянда свалилась вниз — и это чертова красная лампочка, наконец, погасла. Джесс повертел головой, не зная, куда бежать, потом снова двинулся к человеку, неподвижно лежащему на капоте машины.

Повсюду в трейлерах загорались огни, из дверей и окон высывались головы.

Когда Джесс подошел к машине, гудок, наконец, замолк, издав перед этим какое-то жалостное бляенье, будто умирающая коза. Джесс посмотрел на темнокожего «черта» — только тот не был по-настоящему чернокожим, и чертом он тоже не был. На нем был грубо сшитый плащ, из, должно быть, медвежьей шкуры, а волосы и одежда — или, скорее,

лохмотья — были вымазаны в чем-то черном, вроде смолы или сажи. Своим видом он напомнил Джессу шахтеров, когда они возвращались по вечерам после рабочей смены: лицо, руки, вся кожа — в засохшей подтеками корочке угольной пыли. А рога были просто коровьими, пришитыми по бокам капюшона. Но глаза — его глаза горели, в буквальном смысле — светились тусклым оранжевым огнем с черными пульсирующими точечками зрачков посередине. Эти глаза следили за Джессом, смотрели, как он огибает машину. Джесс заколебался, стоит ли подходить ближе. Станный человек поднял руку и потянулся к Джессу длинными, иззубренными ногтями. Открыл рот, попытался заговорить, но из губ только плеснуло кровавой пеной. Его рука упала и взгляд застыл, не мигая, упершись прямо в Джесса. Станные, пугающие глаза «черта» медленно погасли и стали карими — самыми обычными карими человеческими глазами.

— Нет, ну это вообще странно как-то, — сказал женский голос.

Джесс вздрогнул — рядом с ним стояла Филлис Такер, в ночной рубашке, в тапках и в охотничьей куртке своего мужа. Филлис было уже за семьдесят — маленькая, хрупкая пожилая дама; куртка смотрелась на ней скорее как пальто или шуба.

— Что?

— Говорю, это было странно.

Он рассеянно кивнул.

— Видал, как у него глаза изменились?

— Угу.

— Это было очень странно.

— Да, мэм, это уж точно.

Подошли еще несколько человек: они явно выбрались из дома, чтобы узнать, что тут происходит.

— Думаешь, он умер? — спросила Филлис.

— Мне кажется, да.

— Выглядит он мертвым.

— Да, похоже на то.

— Эй, Уэйд! — крикнула Филлис. — Вызови-ка «скорую»! Уэйд, слышишь меня?

— Слышу, слышу, — отозвался тот. — Трудно тебя не услышать. Они уже едут. Ну и холодина, гребись оно конем! Ты моей куртки не видела?

Подошли двое девчонок Пауэлл, подростки Тина и Трейси — они жили за три трейлера отсюда. За ними — сам Том Пауэлл и его жена Пэм. Пэм пыталась прикурить сигарету, не выпуская из рук пива, и при этом продолжала разговаривать по телефону.

— Чего это он такой черный? — спросила Тина и, не предоставив никому шанса дать ответ, добавила: — Откуда он?

— Уж точно не отсюда, скажу я тебе, — ответила Филлис.

— Он явно откуда-то свалился, — сказал Том. — Откуда-то с большой высоты.

— Типа, из самолета, что ли? — спросила Тина.

— Или из саней Санты, — вставил Джесс.

Филлис окинула его кислым взглядом.

— Вряд ли Господь одобрит неуважительное отношение к мертвым.

Вытащив изо рта сигарету, Джесс ухмыльнулся:

— Господь не одобряет практически все, что я делаю, миссис Такер. Вы разве не заметили?

Подошел Билли Такер, подтягивая на ходу джинсы.

— Вот дерьмо! Моя машина! Вы только посмотрите, что он сделал с моей машиной!

Откуда-то издалека донесся вой сирены. «Что-то слишком быстро для “скорой”. Наверное, патрульная машина». Джесс напрягся. С него было достаточно проблем, на сегодня уж точно. И если шеф Диллард сегодня на дежурстве, то неловкая сцена обеспечена. Джесс потихоньку отступил и пошел к себе в трейлер.

Примерно на полпути он вспомнил, что с неба свалилось что-то еще. Пробило ему крышу, если уж быть точным. И было довольно много шансов на то, что это что-то до сих пор находится у него дома. «Еще один из этих?» Он все никак не мог выкинуть из головы глаза той твари, эти страшные, оранжевые глаза. Одно он знал точно: находится в одном помещении с таким вот хрен-знает-кем ему не хотелось, особенно если тот еще мог шевелиться. Он сунул руку в окно пикапа и взял с сиденья свой револьвер. Успокоительное действие пистолета явно закончилось: он вдруг показался Джессу каким-то маленьким и совсем легким. У Джесса вырвался злой смешок. «Я боюсь? Да неужели? Боюсь, что кто-то меня убьет? Я ж сам только что собирался вышибить себе мозги». Да, все так, но почему-то это было совсем другое дело. Он точно знал, что именно сделает с ним пуля, но эта тварь у него в трейлере? Кто знает?

Он осторожно вставил ключ. Повернул, пытаясь сдвинуть засов как можно тише. Засов упал с громким лязгом. «Черт, с тем же успехом мог бы и в дверь позвонить». Держа пистолет перед собой, Джесс осторожно потянул на себя дверь, которая открылась с протестующим скрипом. Его встретила темнота. Он ступил было внутрь, потянулся к выключателю — и остановился. «Твою мать, нет, этого лучше не делать». Прикусив губу, Джесс встал на кирпич из шлакобетона, служивший ему ступенькой. Потом, сжимая пистолет в правой, потянулся левой рукой в темноту и зашарил по стенке, пытаясь нащупать выключатель и испытывая полную уверенность: вот-вот что-то откусит ему пальцы. Выключатель щелкнул, и над головой замигала галогеновая лампа.

В трейлере было всего три крошечных помещения: кухня-столовая, ванная и спальня. Все еще стоя на ступеньке, Джесс заглянул внутрь. В кухне не было ничего, кроме недельного запаса грязной посуды, горы одноразовых та-

релок и пары пластиковых стаканчиков. Дверь в ванную была распахнута настежь. Там тоже никого не было, но дверь спальни оказалась закрыта, и он не мог припомнить, так ли он ее оставил, или нет. «Придется тебе пойти посмотреть, что там». Но его ноги вдруг решили, что им и так хорошо, и он остался стоять, где стоял, тупо пялясь на закрытую дверь.

Снаружи плеснуло синим и красным светом; с горки спускалась патрульная машина. Он подумал, что за милую картину он собой представляет — стоя перед трейлером, тычет внутрь пистолетом. «Ладно, — сказал себе Джесс, — это тот самый момент, когда надо все не испортить». Он шагнул внутрь и прикрыл — но не захлопнул — за собой дверь.

Целую минуту он смотрел на дверь, потом, наконец, буркнул: «на хрен», подошел и повернул ручку. Дверь открылась наполовину и застряла. Что-то было там, с другой стороны. До Джесса вдруг дошло, что сигарету он перекусил пополам, и он выплюнул остатки. «Не нравится мне это... Совсем не нравится». Держа пистолет на уровне глаз, он толкнул дверь носком ботинка. На дальней стороне кровати виднелся чей-то сгорбленный силуэт.

— А ну, мать твою, не двигаться, — сказал Джесс как мог, сурово, но голос предательски дрогнул.

Не опуская пистолета, он хлопнул по выключателю на стене. Лампа валялась на полу с разбитым абажуром, но лампочка каким-то чудом уцелела и загорелась, пустив по стенам причудливые тени.

— Ну, будь я проклят! — выдохнул Джесс.

Не было никаких оранжевоглазых демонов, готовых проглотить его целиком, был только мешок — большой красный мешок с горловиной, обвязанной золотым шнуром. Мешок, который, провалившись сквозь крышу, упал прямо Джессу на кровать.

Б Р О М

Продолжая держать мешок на мушке, Джесс выудил из пачки свежую сигарету и прикурил свободной рукой. Глубоко затянулся и некоторое время наблюдал, как на полу в его комнате постепенно формируется сугроб. Еще пара затяжек, и его нервы как будто начали успокаиваться. Он стал одной ногой на кровать, подался вперед и пару раз потыкал дулом в мешок, будто тот был набит змеями.

Ничего не произошло.

Джесс развязал золотой шнур, открыл мешок и осторожно заглянул внутрь.

— Будь я проклят.